

Игра в Богов

A wooden mannequin, resembling a puppet or a simple robot, stands in the center of the frame. It is holding a long spear with a sharp, silver blade. The mannequin is positioned on a large, detailed map that is spread out on the floor. The map shows a winding blue river, red and yellow paths, and various geographical features. In the background, the architecture of a large, dark stone building with high arches and a staircase is visible. The lighting is dramatic, with strong shadows and highlights.

Гидеон

Меркурий

18+

Гидеон Меркурий

Игра в Богов

«Автор»

2025

Меркурий Г.

Игра в Богов / Г. Меркурий — «Автор», 2025

В Академии магии студенты управляют глиняными солдатами в тактических симуляциях, где победа приносит славу и влияние. Глиняные воины слышат только приказы своего полководца. Солдатики Тактикума — всего лишь инструменты. Однако один из тактиков замечает странности: солдатики начинают действовать не по приказу, а по собственному побуждению — прикрывают товарищей, уклоняются. Эти проявления сеют сомнение и чем глубже герой копает, тем яснее видит: за блестящим фасадом игры скрывается ложь, а любое отклонение от правил встречает холодное сопротивление тех, кто считает сомнения предательством.

© Меркурий Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1: Цикл	5
Глава 2: Тактик	7
Глава 3: Переменная	9
Глава 4: Тень сомнения	12
Глава 5: Первый шёпот	15
Глава 6: Немая схватка	18
Глава 7: Свидетель	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Гидеон Меркурий

Игра в Богов

Глава 1: Цикл

Все началось с Холода. Не пустоты, а плотного, вязкого холода, что был и началом, и концом. Промежуток между Холодами заполнялся Толчком, заставляющим грубые глиняные ноги оторваться от земли, и Голосом. Он рождался не снаружи, а изнутри, там, где у других существ должен быть разум, и становился единственной волей.

Голос отдавал команды. «Щиты – стену!», «Клин – пробить!», «Тени – в обход!». Он не знал этих слов, но их смысл вплавлялся в него, становясь его собственной целью. Когда звучало «Щиты!», его тело напрягалось, тяжелело, ноги впивались в песок. Когда кричали «Клин!», он чувствовал, как его ведут вперед, становиться острием. Он был частью механизма, инстинктивно зная, какая команда для кого. Он не думал, он был действием.

Его первая смерть была стремительной. Он был Щитом, прикрывал тех, от кого исходило странное тепло и треск. Голос рявкнул: «Сдвиг! Назад!». Он повернулся, подчиняясь, но из рядов противника вырвался сноп багрового света. Свет не жёг, а разрыхлял. Его грудь рассыпалась, превратившись в горячую грязь. Холод.

Второе пробуждение. Толчок. Голос: «Оружие – в руки!». Его пальцы сомкнулись на древке с заостренным камнем. Он был Копьём. Команда: «Клин, на остриё!». Их строй сам собой сложился в стрелу, и он оказался на её кончике. Враг, солдат с дубиной, замахнулся. Его тело само дёрнулось в сторону – не по приказу, а в ответ на угрозу. Но сбоку ударило другое Копьё. Глухой удар, треск, и снова – холод.

Третье воплощение. Четвёртое. Пятое. Вспышки между вечными Холодами. В одной – его группа, подчиняясь невысказанной воле, шла в обход по каменному уступу. «Обход. Тишина». Они двигались, и скрежет их ступней о камень казался оглушительно громким. В другой – он стоял в строю, и Голос выкрикивал: «Стена! Держать!». Они сомкнулись, и он чувствовал, как удар вражеского тарана отдаётся вибрацией во всём теле. Он держался, пока зелёное свечение своих не опалило нападавших.

С каждым возвращением в нём накапливались осколки. Не воспоминания, а ощущения. Знание, что если враг замахивается слева, нужно подставить щит под определённым углом. Понимание, что после команды «Залп» из тыла следует ждать ослепительной вспышки. Эти осколки делали его эффективнее. Он жил дольше. Голос иногда звучал иначе – не просто приказ, а нечто острое, напряжённое, и это рождало внутри смутное тепло, желанный контраст вездесущему Холоду.

В шестой жизни осколки сложились в нечто новое. Между Толчком и первым шагом в его сознании вспыхнул образ: не поле боя, а ровная серая плита, уходящая в никуда. Он стоял на ней, поднимая голову. Над ним висело бледное, безжизненное светило, чей свет не грел, а лишь подчёркивал каждую трещину на его глиняных руках. Одиночество. Абсолютное и беззвучное. Потом Толчок – и он снова в строю, слышит Голос: «Расширить фронт! Взять высоту!». Но

чувство одиночества не ушло, оно стало новой, бездонной пустотой внутри, куда большее, чем просто Холод.

Он начал сомневаться в цикле. А что, если есть что-то помимо Холода, Толчка, Голоса и очередного падения?

Восьмая жизнь была долгой. Он выживал, используя накопленные осколки. Уворачивался, прикрывался, бил точно. Он видел, как гибнут другие, и в их падении он теперь видел не просто прекращение движения, а возвращение к изначальному Холоду. Было ли это наказанием? Или просто паузой?

Именно тогда, в миг затишья, когда Голос отдавал тихие, размеренные приказы по перестроению, а в нём самом впервые не было готовности немедленно умереть, а было лишь это новое, гнетущее чувство, его взгляд... сам поднялся выше уровня вечной битвы.

Туда, где за пределами каменного рва находился высокий каменный выступ. На нём стоял трон, мерцающий тусклыми прожилками. И на нём сидело... Существо.

Оно было другим. Не из глины. Его облик был резким, угловатым, словно высеченным из твёрдого материала. Его темная оболочка не облегала тело, а была составлена из жестких форм: прямые линии плеч, высокий воротник, рассекающий воздух, и четкие прямоугольные складки на груди. Его тонкие пальцы, обтянутые той же темной материей, с раздражением били по ребристым подлокотникам трона. А там, где у солдат была лишь гладкая, безликая глина, у Существа располагался сложный, подвижный рельеф, обрамленный жестким, геометричным контуром. Сейчас этот рельеф был искажен и напряжен: горизонтальные выступы над глазами сдвинуты, вертикальная впадина между ними углубилась, а узкая линия внизу плотно сжалась. Существо смотрело на поле боя, и его Голос, знакомый и всеобъемлющий, звучал оттуда, из этой искаженной маски, и в нем слышалось не только приказание, но и чуждое чувство – острое напряжение, граничащее с яростью.

В этот миг осколки сложились в уродливую, но ясную картину. Их вечное возвращение из Холода было не наградой и не испытанием – оно было прямым следствием воли Существа на троне. Его один-единственный приказ, невысказанный, но фундаментальный, витал в самом воздухе: «Будьте». И они были. Снова и снова. Их падения, их инстинктивные озарения – всё это было лишь топливом для механизма, который Существо завело и наблюдало с холодным, яростным интересом.

И Холод, который он ощутил тогда, был страшнее того, что нёс конец. Это был Холод понимания. Его Бог был Ветром, а он – пылью, что этот Ветер гнал по полю брани. И Ветер этот говорил его устами, двигал его руками – без гнева, без пристрастия. Лишь холодная, неумолимая воля, для которой он был ничем.

Глава 2: Тактик

Война всегда заканчивалась Холодом. Но на этот раз всё было иначе.

Лео Вейландер откинулся на спинку Трона Полководца, его пальцы всё ещё слегка вибрировали от остаточного ментального напряжения. Перед ним, на полигоне, его глиняный отряд замер в последних позах победы. Солдаты противника лежали разломанными, их формы медленно расплывались, превращаясь в инертную глину. Победа. Безупречная, с минимальными «потерями». Всего три его солдата «выбыли».

– Поздравляю, Вейландер, – голос наставника Акрава был сухим, как скрип пергамента. – Ещё одна тактическая задачка, решённая с изяществом. Хотя... – он сделал паузу, и его взгляд скользнул по фигурам замерших солдат, – ваше упорство на сохранение боевых единиц иногда граничит с излишним... сентиментализмом. Иногда проще пожертвовать парочкой, чтобы выиграть время.

Лео не ответил. Он смотрел на своего лучшего бойца – того, что в его мысленных схемах значился как «Краеугольный». Тот стоял, опираясь на грубый глиняный щит, его безликая голова была повернута в сторону двух других солдат, помогавших подняться раненому товарищу. Возникла странная, не прописанная в уставах слаженность, рожденная не приказом, а чем-то иным.

– Они эффективнее, когда работают вместе, – тихо сказал Лео. – Когда выживают.

Акрав фыркнул.

– Они эффективнее, когда бездумно выполняют приказы. Не стоит приписывать им свои собственные стратегические озарения, юноша. Они – инструмент. Глина, оживлённая волей Академии.

«Глина». Почему это слово теперь резало его, будто осколок? Он смотрел на «Краеугольного» и видел не инструмент, а стойкость. Не инертную массу, а шрам на его плече. Он отогнал странное чувство, следуя за наставником из зала полигона.

Академия Магии «Атраменос» встретила их холодным эхом мраморных коридоров. Стены украшали гобелены с изображениями величайших битв Тактикума и портреты прошлых чемпионов с каменными лицами. Студенты в строгих, угловатых мундирах с высокими воротниками расступались, пропуская Акрава. Лео ловил на себе взгляды – уважительные, завистливые. «Вейландер. Вундеркинд Тактикума». Он ненавидел это прозвище. Оно делало его соучастником.

В библиотеке, вдалеке от чужих глаз, он пытался найти ответы. Фолианты говорили об эффективности магических матриц, о силе воли полководца, о славе Империи. Ни слова о том, что происходит в тех безликих головах на поле боя. Ни слова о Холоде.

– Ищешь вдохновение для следующего подвига, Вейландер?

Лео вздрогнул. Перед ним стоял Кассий. Его волосы были идеально уложены, мундир – безупречен. Его улыбка была холодной и уверенной.

– Просто изучаю историю, – отозвался Лео, закрывая книгу.

– Историю пишут победители, – Кассий легко подхватил мысль. – А побеждают те, кто не отягощён сомнениями. Видел твой последний бой. Изящно. Но слишком медленно. Ты мог выиграть на пять минут раньше, Вейландер. Пять минут на турнире – это вечность. Зрители скучают, наставники зевают. Блеск победы тускнеет, если он слишком долгий. Жаль «единицы», но они на то и «единицы» – чтобы их списывать в расход.

В его глазах не было жестокости. Была лишь абсолютная, тотальная прагматичность. Он не видел в солдатах ничего, кроме цифр в уравнении. И это было страшнее любой жестокости.

– У каждого свой стиль, – парировал Лео.

– Стиль? – Кассий рассмеялся. – Это не искусство, Вейландер. Это наука. Наука побеждать. А в науке нет места лишним переменным.

Он ушёл, оставив после себя ощущение ледяного сквозняка. Лео снова остался наедине с книгами, которые хранили молчание.

Вечером, готовясь к очередным учениям, он проверял своих солдат. Ритуал оживления уже начался, глиняные тела стояли в ступоре, ожидая Толчка и его Голоса. Лео подошёл к «Краеугольному». Механик-маг уже залатал трещину на плече, но след всё равно был виден.

И тут он это увидел.

Солдат, не «Краеугольный», а другой, стоявший чуть поодаль, повернул свою безликую голову. Медленно, почти неловко. Его грубая глиняная рука поднялась и легла на собственную грудь, там, где у живых существ должно быть сердце. Потом опустилась.

Жест был бессмысленным. Бесцельным. Как спазм.

Лео замер. Ледяная струя пробежала по его спине. Это не было частью ритуала. Это не было приказом. Он видел, как механики-маги заглушают вышедшие из строя солдатиков – те просто замирали и рассыпались в прах. Это был сбой. А жест, который он только что увидел... он был на что-то похож. На попытку. На вспышку чего-то, чего не должно было быть.

Он отступил, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Его гениальный, выстроенный на логике разум столкнулся с аномалией, необъяснимой и пугающей. Уравнение, которое он всегда решал, содержало новую, неизвестную переменную. Переменную, которая смотрела на него с безликой маски глины. И его следующая победа в Тактикуме могла стоять куда больше, чем просто слава. Она требовала ответа на вопрос: что, если его инструменты – не просто инструменты?

Глава 3: Переменная

Следующие несколько дней Лео провёл в состоянии нарастающего беспокойства, которое стало его новой нормальностью. Жест солдатики преследовал его, встраиваясь в привычные ритуалы Академии. На лекциях по тактической магии его взгляд бесцельно блуждал по залу, выискивая в застывших позах студентов то же необъяснимое напряжение, что он видел в глиняных телах. Он стал замечать вещи, которые раньше игнорировал, и теперь они резали его, как осколки.

Как наставник Акрав, объясняя принцип «расходной атаки», безразлично смахнул с демонстрационного стола несколько миниатюрных глиняных фигурок. Они упали на каменный пол с сухим, безжизненным треском и рассыпались. Лео почувствовал не просто спазм в желудке, а внезапный, иррациональный приступ тошноты.

Как Кассий на практикуме, отрабатывая прорыв, отдал приказ своей группе солдат: «Таран. Без учета потерь». Его солдаты, не колеблясь, ринулись на заведомо превосходящие силы «противника». Лео наблюдал, как они гибли под ударами, не пытаясь уклониться или защититься – идеальные, бездумные инструменты. Это была та самая «наука», о которой говорил Кассий. Лео смотрел на это и видел лишь пустоту. Тот самый Холод, но теперь он исходил не из небытия, а от его сверстника.

Он не мог больше ждать. Ему нужны были доказательства. Не для Акрава или Совета, а для себя, чтобы убедиться, что он не сходит с ума.

Возможность представилась во время очередных учений на малом полигоне. Пустой, продуваемый сквозняком зал, слабо освещенный магическими сферами. Это была не официальная дуэль, а свободные упражнения. Лео стоял у своего Трона, его отряд из десяти солдатиков был выстроен в простую линию. Противник – такой же учебный отряд под управлением скучающего старшекурсника.

Обычная тактика предписывала быстрое и жёсткое лобовое столкновение. Но сегодня у Лео был иной план. Он дал стандартный приказ: «Щиты – вперёд. Копья – за ними».

Бой завязался. Лео следил не за общей картиной, а за одним солдатиком. За тем самым, что сделал тот странный жест. В своих мысленных схемах Лео присвоил ему обозначение «Эхо».

«Эхо» сражался как все. Двигался в строю, наносил удары. Но Лео искал отклонения. И он их нашёл.

Когда вражеский солдат с дубиной прорвался через строй, его цель оказалась незащищённой. Это был солдат Лео, стоявший рядом с «Эхо». Стандартная реакция – продолжить выполнять свой приказ, держать строй. Но «Эхо» резко развернулся и нанес короткий, отвлекающий удар по врагу в спину. Удар был недостаточно сильным, чтобы вывести того из строя, но он заставил противника отвлечься. Этого мгновения хватило.

Сердце Лео ёкнуло и застучало с такой силой, что он едва не потерял концентрацию. Это был не сбой. Это был выбор.

Он попробовал ещё раз. Нарочно ослабил давление на левом фланге, создав брешь. Голосом он приказал: «Правый фланг – усилить натиск!». По логике, весь отряд должен был потянуться вправо.

Большинство так и сделало. Но «Эхо», находившийся в центре, замедлился. Его безликая голова повернулась в сторону опасности. Он сделал шаг влево, как бы прикрывая образовавшуюся дыру, и лишь потом, с опозданием, последовал общему приказу.

Лео едва не поднялся с трона, пальцы впились в резные подлокотники. Два случая. Дважды солдат действовал не в строгом соответствии с приказом, а исходя из ситуации. Он не просто реагировал на угрозу. Он предвидел её. Он пытался её парировать.

Учения закончились победой Лео. Старшекурсник, даже не поняв, что стал частью эксперимента, пожал плечами и увёл своих «убитых» солдат на переформирование.

Лео остался в зале один. Его солдаты стояли неподвижно в густеющей тишине, ожидая команды на возвращение в казармы. Пылинки кружились в единственном луче света, падавшем с высокого свода прямо на «Эхо». Лео подошёл к нему, его шаги гулко отдавались в пустоте.

– Почему? – прошептал он, глядя на грубую глиняную маску. – Почему ты это сделал?

Ответом была тишина. Но теперь эта тишина казалась ему обманчивой. Глубокой. Наполненной чем-то, что он не мог слышать.

Он медленно протянул руку, собираясь прикоснуться к глиняному плечу. Остановился в сантиметре. Будто боялся нарушить хрупкое равновесие.

Внезапно «Эхо» повернул голову. Медленно, почти неловко. Его рука с зажатым в ней подобием меча дрогнула. Пальцы разжались. Оружие с глухим, окончательным стуком упало на каменный пол.

Лео замер, дыхание перехватило. Это не было частью ритуала. Солдатики не роняли оружие. Они держали его до конца, до самого «Холода».

«Эхо» стоял с пустыми руками. Его безликая голова была повернута к Лео. И в этой позе была не пассивность, а что-то иное. Ожидание? Вопрос?

Лео посмотрел на грудку глины, которая была вражеским солдатом, того, по спине которого ударил «Эхо». Потом на упавшее оружие. И его осенило.

Он не уронил оружие. Он его отпустил.

Это был не сбой. Это был жест. Примитивный, едва уловимый, но однозначный. Жест, который можно было истолковать как отказ. Или как... доверие?

– Вейландер? – раздался голос из-за его спины.

Лео резко обернулся, сердце уходя в пятки. В проёме двери, окутанный тенями коридора, стоял Кассий. Его взгляд, холодный и всевидящий, скользнул по неподвижным солдатам, по Лео, застывшему в неестественной позе, и задержался на оружии, лежавшем на полу.

– Проблемы с дисциплиной? – спросил Кассий, делая шаг вперёд. Его туфли отчётливо стучали по камню. – Инструменты стали капризничать? Может, пора провести техобслуживание?

Лео выпрямился, стараясь дышать ровно, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

– Всё в порядке. Простая неисправность.

– Рад это слышать, – Кассий медленно вошёл в зал, его тень легла на «Эхо». – Знаешь, я слышал, ты проводишь тут много времени в одиночестве. После учений. Любопытно. Большинство предпочитает отмечать победы, а не... разговаривать с глиной.

Он остановился в паре шагов, его пронзительный взгляд изучал Лео, словно разгадывал сложную тактическую схему.

– Сомнения – роскошь, которую мы не можем себе позволить, Вейландер. Особенно сейчас. Приближается Отборочный турнир. Место в финале «Тактикума» не достается тем, кто видит личности в расходном материале.

Он кивнул в сторону «Эхо», и в его глазах мелькнуло нечто острое, почти хищное.

– Если инструмент сломался – замени его. Таков закон. Закон победы. Хочешь, я помогу? У меня есть прямой доступ к механикам. Один приказ – и тебя не будут отвлекать... неисправности.

Угроза висела в воздухе, густая и неоспоримая. Кассий не просто насмеялся. Он предлагал «решение». И Лео понял, что любое его действие теперь будет под прицелом.

– Спасибо, я разберусь сам, – с трудом выдавил Лео.

– Как знаешь, – Кассий развернулся и ушёл, его шаги затихли в коридоре.

Лео остался один в гробовой тишине зала. Он посмотрел на «Эхо», всё ещё стоявшего с пустыми руками. Уравнение, которое он пытался решить, не просто усложнилось. Оно взорвалось изнутри, разбросав по сторонам новые, неизвестные и пугающие переменные. Теперь в нём были не только солдатики, проявляющие волю, но и Кассий, который видел слишком много. И Лео понимал: его следующий шаг должен быть безупречным. Иначе он потеряет не только шанс на победу, но и единственное доказательство того, что в глине скрыто нечто большее. Доказательство, ради которого он был готов рискнуть всем.

Глава 4: Тень сомнения

Сомнение, однажды поселившись в разуме, ведёт себя как живой организм. Оно пускает корни, прорастает в самые потаённые уголки сознания и отравляет всё, к чему прикасается. Для Лео Вейландера, чей мир всегда был построен на строгой логике и ясных тактических схемах, это стало новой, мучительной реальностью. Он шёл по коридорам Академии «Атраменос», и мраморные стены, прежде внушавшие ему чувство порядка и традиции, теперь казались стенами гигантской, прекрасно отлаженной тюрьмы. Портретов великих полководцев прошлого смотрели на него не как на преемника, а как на потенциального предателя. Их застывшие взгляды осуждали его за те самые мысли, что он боялся озвучить даже самому себе.

Публично он оставался Вейландером-вундеркиндом. Он посещал лекции, участвовал в дискуссиях, оттачивал свои навыки. Его движения были отточенными, ответы – точными. Но внутри него бушевала буря. Каждое слово наставника Акрава о «подавлении воли инструмента», каждый насмешливый взгляд Кассия, каждый приказ, отданный им своим солдатам, отзывался в нем глухой, ноющей болью. Он стал соучастником в самом страшном смысле этого слова – он знал, но продолжал играть по правилам.

Его единственным убежищем стала библиотека. Не главный зал с его помпезными фресками, а дальние, пыльные архивы, куда редко заглядывали студенты. Здесь, в тишине, нарушаемой лишь шелестом пергамента, он вёл свою тайную войну.

Сегодня его целью был отдел ранних хроник, посвящённых первым годам после основания Тактикума. Официальная история гласила: «Великое Миротворение» положило конец эпохе кровавых междоусобиц. Лео искал трещины в этом глянцевом фасаде.

Он отыскал толстый фолиант в потрёпанном кожаном переплёте – «Хроники Установления Порядка, год 1-й от Э.М.». Текст был написан сухим, канцелярским языком. Лео пролистывал страницы, его пальцы оставляли влажные следы на вековой пыли, когда его взгляд зацепился за странный пассаж, втиснутый между описаниями церемоний:

«...и дабы сила традиции не ослабевала, принесена была Первая Жертва, дабы впредь дух её питал глиняные легионы. Отныне ни одна душа, призванная к Порядку, не вернется в Колесо, дабы не ослабить его вращение. Сия Цена Пробуждения признана необходимой и неоспоримой...»

Лео замер. «Первая Жертва». «Цена Пробуждения». «Не вернется в Колесо». Слова резали его по живому. Это не было описанием магического ритуала. В этом был привкус чего-то древнего и жертвенного.

Он лихорадочно продолжил поиски. В другом манускрипте, составленном, судя по стилю, магом-диссидентом, он нашёл ещё более странную запись:

«Они называют это Эпохой До. Эпохой Хаоса. Но я помню иное. Я помню шум городов, где улицы были полны детского смеха. Я помню поля, засеянные не магией, а пшеницей. Теперь смех стих, а поля пусты. Мы заменили колыбели на могилы, которые умеют ходить. И величайшая ложь в том, что мы называем это миром».

Лео отшатнулся от книги, будто от прикосновения к раскаленному металлу. Слова жгли его глаза. «Колыбели на могилы, которые умеют ходить». В ушах зазвенела тишина, в которой он теперь слышал отголоски этого самого забытого детского смеха. Он вспомнил пустующие деревни на окраинах империи, тихие, почти бездетные улицы столицы. Всегда считалось, что это – следствие перенаправления ресурсов на магию. А если причина была в самой Игре? Если души, заключенные в глине, больше не рождались заново?

– Нашёл что-то интересное, Вейландер?

Голос прозвучал прямо у него над ухом. Лео вздрогнул и резко захлопнул книгу, поднимая голову. Над ним стоял Кассий. Безупречный, с лёгкой, почти дружеской улыбкой, которая не достигала глаз. Лео не слышал его шагов.

– Кассий, – выдавил Лео, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Я не заметил тебя.

– Вижу, вижу, – Кассий ленивым жестом обвёл полку. – Углубился в историю? Похвально. «Хроники Установления Порядка»... Любопытный выбор. Особенно страница 43, с пометками на полях. Мой прадед, кстати, был одним из авторов этого труда. – Он сделал паузу, давая словам просочиться в сознание, как яд. – Он всегда говорил: «Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой. А тот, кто пытается вернуть первоначальный смысл слов – совершает самое страшное преступление».

Лео почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Кассий не просто застал его за чтением. Он знал. Знал всё.

– Просто расширяю кругозор, – пожал плечами Лео, отодвигая книгу вглубь полки. Его ладони были влажными.

– Кругозор – это прекрасно, – Кассий сделал шаг ближе, и его тень накрыла Лео. – Но знаешь, что я заметил? Слишком широкий кругозор иногда мешает видеть цель прямо перед собой. Ты стал осторожен, Вейландер. Медлителен. На последней тактической игре ты упустил два очевидных момента для контратаки. Я бы назвал это нехарактерной ошибкой.

Лео сглотнул. Он и сам заметил эту нерешительность. Раньше он видел поле боя как шахматную доску. Теперь он видел за каждой фигурой тень того самого жеста – руки, отпускающей оружие.

– У всех бывают спады, – сухо ответил он.

– Конечно, – Кассий кивнул с преувеличенным пониманием. – Но спад – это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Скруг угловые бои. Победитель получит место в команде советника Гормована. Ты же хочешь быть в этой команде, не так ли?

Это был не вопрос, а напоминание. Попасть в команду куратора Тактикума означало получить реальную власть.

– Я сделаю всё, что нужно, – сказал Лео, и эти слова показались ему горькими и фальшивыми.

– Рад это слышать, – Кассий похлопал его по плечу с притворной дружелюбностью. – Просто помни: Академия, Совет, вся Империя – это сложный механизм. И каждый винтик в нём должен знать своё место. Попытка стать чем-то большим... чревата. Может сломаться не только винтик, но и те инструменты, которые он так старательно оберегает. Правда же?

Он посмотрел на Лео долгим, тяжёлым взглядом, в котором не осталось и следа от насмешки. Была лишь холодная сталь предупреждения. Затем развернулся и ушёл, его шаги отчётливо стучали по каменному полу.

Лео остался сидеть, чувствуя, как его руки дрожат. Он сжал их в кулаки. Угроза Кассия была идеально сформулирована. Он не тронет самого Лео. Он нанесёт удар по «Эхо» и другим солдатам.

Он снова открыл «Хроники». Его взгляд упал на зловещую фразу: «...ни одна душа, призванная к Порядку, не вернется в Колесо...»

«Колесо». Колесо жизни и смерти? И если души не возвращаются... что происходит с новыми жизнями?

Он откинулся на спинку стула, и его охватила волна ледящего ужаса. Стены библиотеки внезапно показались ему стенами склепа, сложенного из костей и лжи. Он смотрел не на исторический трактат. Он смотрел в лицо чудовищному, тысячелетнему преступлению, на котором держалась его империя. И он понимал, что Кассий, Акрав, Совет – все они были не просто прагматиками. Они были хранителями этой ужасной тайны. А он, Лео Вейландер, вундеркинд Тактикума, стал той трещиной, из которой мог хлынуть свет правды. И они сделают всё, чтобы заткнуть эту трещину. Даже если для этого придётся раздавить его и стереть в пыль всё, что он успел полюбить.

Глава 5: Первый шёпот

Тишина в личных покоях Лео была обманчивой. Внешне – всё тот же аскетичный порядок, привычный с детства: застеленная койка, аккуратный стол, стопки конспектов. Но внутри его черепа бушевал хаос, рожденный словами из древних фолиантов. «Колыбели на могилы, которые умеют ходить». Фраза врезалась в сознание, как раскаленный клинок, выжигая всё, во что он верил. Он смотрел в темноту и видел не её, а бесконечные шеренги глиняных солдат, марширующих навстречу своему вечному Холоду, и за ними – пустые, безмолвные колыбели.

Угроза Кассия висела в воздухе, осязаемая, как запах озона перед грозой. Пассивному поиску пришел конец. Система знала о его интересе. Любое промедление было смертельно. Ему требовалось действие. Рискованное, безрассудное, но действие. Ему нужен был не просто свидетель, а союзник.

Мысль созревала в нём мучительно и медленно, как гнойник. Ему нужно было поговорить с «Эхо». Не через призму Трона Полководца, не в пылу симуляции, а напрямую. Установить контакт, который доказал бы обеим сторонам, что они не одиноки в этом кошмаре.

Поздней ночью, когда коридоры Академии погрузились в сонную, магическую тишину, Лео прокрался в казармы солдатиков. Воздух здесь был густым и тяжёлым, пахнувшим остывшей глиной и статикой неистраченной магии. Ряды глиняных тел стояли неподвижно, их безликие маски в полумраке казались слепыми входами в бесконечные склепы.

Сердце Лео колотилось где-то в горле. Он боялся, что сейчас войдёт механик или, что хуже, Кассий. Но коридоры были пусты. Он нашёл «Эхо». Солдат стоял, как и остальные, но в его позе Лео снова уловил едва заметную напряжённость – отличие инструмента от существа.

– Я здесь, – прошептал Лео, и его голос, сорвавшийся и хриплый, прозвучал кощунственно громко в гробовой тишине.

«Эхо» не пошевелился. Лео почувствовал прилив отчаяния. Что он вообще надеялся сделать?

Он сделал шаг вперёд и, преодолевая внутренний барьер, медленно поднял руку. Он не собирался отдавать приказ. Он хотел прикоснуться. Его пальцы дрожали, когда он приблизил их к грубой, холодной поверхности плеча «Эхо».

В тот миг, когда кожа коснулась глины, мир взорвался.

Это не было видением. Это был водопад. Хаотичный, оглушительный поток чужих ощущений. Вспышка ослепляющего багрового света – не магии, а чистой, нефильтрированной ярости. Пронзительный, беззвучный визг, полный такого немого ужаса, от которого кровь стыла в жилах. Острое, физическое ощущение падения в бездну. И сквозь этот хаос – тяжёлые, намертво впившиеся в запястья железные кандалы, и резкий, солёный запах морского ветра.

Лео с силой отдернул руку, как от огня, и отшатнулся, прислонившись к ледяной стене. В висках стучало, в ушах стоял тот самый беззвучный визг. Он провёл рукой по лицу, ожидая

увидеть кровь, но пальцы были сухими. Боль была чужой, но ощущалась как своя. Он дышал, как будто пробежал марафон, а в горле стоял ком, мешающий глотнуть.

«Эхо» по-прежнему стоял неподвижно. Но теперь Лео видел. Видел едва уловимую дрожь, пробежавшую по его глиняной руке. Он не просто передал воспоминание. Он отреагировал на контакт.

– Прости, – хрипло выдохнул Лео, всё ещё не в силах прийти в себя. – Я... я не знал.

Он смотрел на «Эхо» и видел уже не инструмент, а существо, запертое в собственном аду. Багровый свет был не цветом магии. Это был цвет ненависти. А кандалы, запах моря... Это был не солдат. Это был пленник. Тот, кого лишили свободы еще до того, как навеки заточили в глиняную темницу.

Лео сглотнул ком в горле. Его первоначальный план рухнул, но на его обломках родилось нечто большее – понимание. Он не просто устанавливал контакт с разумным существом. Он вскрывал рану, тысячу лет кровоточащую в глубине чьего-то сознания.

– Я попробую ещё раз, – прошептал он, больше себе, чем солдату. – Но... иначе.

Он не решился снова прикасаться. Вместо этого он просто сел на холодный каменный пол, прислонившись спиной к стене напротив «Эхо». Тишина вокруг снова сгустилась, и теперь она казалась ему обвиняющей, полной незримых глаз.

– Я не знаю, слышишь ли ты меня сейчас, – начал он тихо, глядя на неподвижную фигуру и чутко прислушиваясь к малейшему звуку из коридора. – Но если слышишь... ты не один. Я вижу. Я вижу тебя. И я... я попытаюсь остановить это. Обещаю.

Он сидел так, возможно, минут пятнадцать, просто глядя на солдата, пытаясь силой воли передать своё намерение. Ничего не происходило. Отчаяние снова начало подступать, холодной волной.

И тогда «Эхо» повернул голову. Медленно, почти неловко. Его безликая маска была направлена прямо на Лео. Он поднял свою грубую глиняную руку. Не для жеста, не для действия. Он просто поднял её и на мгновение задержал в воздухе, ладонью к Лео, как бы демонстрируя её пустоту. Потом так же медленно опустил.

Это не было памятью. Не было реакцией на боль. Это был ответ. Примитивный, едва уловимый, но недвусмысленный. «Я здесь. Я тебя вижу».

Лео встал, чувствуя, как по его лицу катятся слезы, которых он даже не заметил. Он не добился диалога. Но он установил связь. Хрупкую, болезненную, но связь.

Он вышел из казарм, и ночной воздух показался ему вкусом свободы. Цепь доказательств замкнулась. Всё было связано в один тугой узел: души, Тактикум, пустые колыбели. Исторические хроники и живое, страдающее свидетельство перед ним. И он, Лео Вейландер, держал в руках один из его концов.

Он шёл по спящей Академии, и его охватило странное, новое чувство – не страх и не отчаяние, а ясность. Путь вперёд был опасен, почти невозможен. Но теперь он знал, что идёт по нему не один. У него был безмолвный союзник по ту сторону глины. И это придавало ему сил, чтобы сделать следующий шаг, даже если этот шаг вёл напрямиком навстречу буре.

Глава 6: Немая схватка

Утро застало Лео заточенным в учебном классе, лицом к лицу с тактической картой предстоящих отборочных боёв. Контуры полигона, расставленные условные знаки вражеских отрядов – всё это было знакомо до боли, как собственные ладони. Раньше эти схемы были для него музыкой, партитурой, в которой он был дирижёром. Теперь он видел лишь поле для предстоящей казни. Холодный пот заструился у него по спине, но не от страха проиграть, а от ужаса предстоящего ему выбора – убивать, чтобы соответствовать, или щадить, чтобы остаться собой.

Вчерашняя ночь оставила в нём глубокий, неизгладимый шрам. Физическое эхо чужой боли всё ещё пульсировало где-то на уровне спинного мозга. Но вместе с болью пришла и странная ясность. Сомнения испарились. Он знал. И это знание делало его одновременно уязвимым и опасным.

Сегодня ему предстояло сразиться с Ренаром, старшекурсником, известным своим агрессивным, прямолинейным стилем. «Молот Ренара» – так прозвали его тактику, основанную на лобовом сокрушении противника ценой любых потерь. Идеальный противник для Кассия, чтобы продемонстрировать «неэффективность» методов Лео.

Перед входом на полигон его ждал Кассий, прислонившись к косяку двери с видом человека, наблюдающего за интересным экспериментом.

– Нервы, Вейландер? – спросил он, его голос был сладок, как мёд с ядом. – Ренар не из тех, кто церемонится. Говорят, после его атак механикам приходится собирать солдат лопатами. Настоящая проверка для твоей теории «сохранения единиц».

Лео ничего не ответил, лишь кивнул и прошёл мимо, чувствуя на спине тяжёлый, оценивающий взгляд. Он занял место на Троне Полководца. Холодный камень под пальцами, привычное гудение магических контуров – всё это теперь вызывало у него отвращение. Он был не полководцем. Он был надсмотрщиком, готовящим своих подопечных к кровавому представлению.

Его солдаты, включая «Эхо», стояли в ожидании на арене. Лео мысленно отметил, что «Эхо» находился чуть впереди основной линии, его поза была не просто готовностью, а сосредоточенностью. Он тоже помнил. Помнил ночной контакт.

Гонг возвестил начало боя.

Ренар, как и ожидалось, немедленно перешёл в наступление. Его отряд, построенный клином, как таран, ринулся вперёд с грубой силой. Стандартный контрманёвр предписывал встречный удар или гибкую оборону с флангов. Лео всегда выбрал бы последнее.

Но сегодня он скомандовал: «Рассечение! Отход на позицию «Дельта»!»

Его солдаты, отработанным движением, расступились, пропуская ударную группу Ренара вглубь, сами же откатились назад, на заранее выбранную узкую площадку между двумя каменными выступами. Это был рискованный манёвр, ограничивающий манёвренность, но сводящий на нет численное преимущество «Молота».

Ренар, уверенный в своей силе, ринулся в образовавшийся коридор. Началась давка. Его солдаты, не видя цели прямо перед собой, замешкались.

И тут Лео увидел это. «Эхо», находившийся на острие обороны, не просто парировал удары. Он делал нечто большее. Когда вражеский солдат с дубиной заносил оружие для размашистого удара, «Эхо» не отступал, а делал короткий шаг вперёд, подставляя свой щит под неудобным углом, заставляя противника споткнуться и открыться для удара соседа. Он не убивал. Он создавал помехи, дезорганизовывал. Рядом с ним солдат, условно названный Лео «Скалой», не дожидаясь приказа, подхватил и оттащил получившего повреждение товарища в глубь строя, прикрыв его своим телом.

Лео почувствовал, как по его жилам разливается странная смесь гордости и ужаса. Это была не его тактика. Это была тактика самого отряда, рождённая не приказом, а пониманием поля боя и... желанием защитить тех, кто стоял рядом. Солдат «Тень» инстинктивно прикрывал спину «Эхо», сражаясь с подошедшим с фланга противником. Они действовали как единый организм, как отлаженная команда, а не как набор марионеток.

– Хватит этой возни, Вейландер! – мысленно прошипел он сам себе, глядя, как солдаты Ренара, увязнув в тесноте, несут бессмысленные потери. – Добей их! Закончи это!

Но он не мог. Приказ «на уничтожение» застревал в горле. Вместо этого он отдал новую команду, и слова вырвались у него сами, прежде чем он успел обдумать последствия: «Окружение! Блокировка!»

Это была не тактика. Это был крик его совести против многовековой машины смерти.

Его солдаты, чутко уловив его волю, перешли к следующей фазе. Они не добивали поверженных и отступающих. Они сжимали кольцо, вынуждая солдат Ренара бросать оружие или быть зажатыми так, что любое движение становилось невозможным. Это была не победа. Это был принудительный мир.

На трибунах воцарилась недоуменная тишина, прерываемая бормотанием наставников. Так никто не побеждал. Победа должна быть сокрушительной, зрелищной, кровавой.

Ренар, багровея от бессильной ярости, выкрикнул команду о капитуляции. Его непобеждённые, но полностью обездвиженные солдаты замерли.

Бой был окончен. Формально – победой Лео. Но в воздухе витало разочарование. Он выиграл, не уничтожив врага. Он выиграл, нарушив негласный закон Тактикума.

Лео спустился с трона, его ноги были ватными, руки слегка тряслись. Он подошёл к своим солдатам. Они стояли в своих оборонительных позициях, некоторые – с повреждениями, но все – на ногах. «Эхо» повернул к нему голову. И в этот раз Лео не увидел в этом жесте простого ожидания приказа. Он увидел вопрос. «Мы сделали правильно?»

Внезапно один из солдат Ренара, которого не успели полностью заблокировать, рванулся с места, пытаясь нанести удар в спину «Тени». Это было чисто инстинктивное, предсмертное движение запрограммированного инструмента.

Но «Эхо» срегировал быстрее. Он не стал убивать. Он просто резко опустил своё копье, преградив путь атакующему. Тот споткнулся и рухнул на землю, его глиняная форма дала трещину, но не рассыпалась. Он был нейтрализован, но «жив».

Лео замер, наблюдая за этим. Это был не приказ. Это был моральный выбор, совершённый глиняным солдатом. Выбор пощады.

В этот момент с другой стороны арены к ним приблизился Кассий. Его лицо было маской холодной вежливости.

– Поздравляю с... нестандартной победой, Вейландер, – произнёс он, и каждое слово было уколom. – Ты, безусловно, доказал, что можно выиграть, не запачкав руки. Правда, зрители остались не в восторге. И наставники тоже. – Его взгляд скользнул по «Эхо», задержавшись на его копье, всё ещё преграждавшем путь поверженному врагу. – Твои инструменты стали проявлять удивительную... инициативу. Почти как будто у них есть своя воля. Опасно, Вейландер. Очень опасно. В ненадёжном инструменте нет прока.

Он развернулся и ушёл, оставив Лео наедине с его победой, которая пахла не триумфом, а провалом. Он выиграл бой, но проиграл в глазах системы. Он спас жизни солдат, но подставил под удар себя и «Эхо».

Лео посмотрел на своего безмолвного союзника. Тот медленно поднял руку и прикоснулся к своей груди, к тому месту, куда Лео дотронулся ночью. Потом опустил её.

Да, они выиграли. Но Лео понимал: чтобы победить по-настоящему, чтобы сломать систему, ему придётся играть в их игру. И следующая победа должна будет быть сокрушительной. Даже если её цена будет жестокой. Он поклялся положить конец этой войне, но чтобы сделать это, ему предстояло погрузиться в её самую гущу. И он боялся, что выйдет из неё уже не тем человеком, каким был прежде.

Глава 7: Свидетель

Последствия «нестандартной победы» не заставили себя ждать. На следующее утро Лео был вызван к наставнику Акраву. Кабинет Акрава был воплощением идеального порядка: книги стояли по стенам ровными шеренгами, как солдаты на параде, а на столе не лежало ни единой лишней бумаги. Сам наставник, сухой и подтянутый, смотрел на Лео поверх сцепленных пальцев.

– Победа есть победа, Вейландер, – начал он, и его голос был ровным и холодным, как сталь клинка. – Однако Совет наставников выразил озабоченность. «Тактикум» – это не только инструмент разрешения конфликтов. Это публичное действие, демонстрация силы и воли Империи. Зрители ждут... определённой эстетики. Решительности. Того, что вдохновляет народ и устрашает наших оппонентов.

Лео молчал, глядя в непроницаемое лицо Акрава. Он понимал, что за этими дипломатичными словами скрывался простой смысл: ему приказали убивать зрелищно.

– Ваш стиль, – продолжал Акрав, – демонстрирует выдающийся контроль и... своеобразную гуманность. Но он лишён напора. В преддверии финальных турниров я должен настоять: оттачивайте классические, проверенные временем методики. «Молот и Наковальня», «Стальной Вихрь». Покажите мощь, а не изобретательность.

Лео вышел из кабинета с каменным лицом и свинцом на душе. Система давила на него, требуя conformity. Ему предстоял бой против ещё одного «молотобойца», ученика по имени Боргерт. Противник был силен, прямолинеен и полностью лишён воображения. Победить его, играя по правилам Акрава, означало бы устроить бойню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.